

Пожелаемъ, вмѣстѣ съ авторомъ, чтобы на это растеніе было обращено вниманіе, какъ въ живомъ видѣ, такъ и на гербарные экземпляры: весьма возможно, что во многихъ коллекціяхъ оно покоится подъ именемъ *S. sagittif. L.*, какъ это и наблюдалъ авторъ. П. Мищенко (Юрьевъ).

Сюзевъ, П. В. Медоносныя растенія, дикорастущія въ Пермской губерніи. — Изъ Сборника Пермскаго Губернскаго Земства, кн. 1—2. 1902 г. 35 стр. Цѣна 25 коп.

Предлагаемый списокъ содержитъ 330 медоносныхъ растеній изъ различныхъ уѣздовъ Пермской губ., латинскія названія которыхъ расположены въ алфавитномъ порядкѣ; кромѣ того приводятся наиболѣе устойчивыя русскія народныя названія, указываются мѣстонахожденія, распространеніе растеній, время цвѣтенія и какой взятокъ получаютъ пчелы. Между перечисленными видами болѣе всего съ желтыми цвѣтами (102), затѣмъ съ бѣлыми (90), съ красными и розовыми (59), съ лиловыми (41), съ синими и голубыми (22) и, наконецъ, съ зелеными (16). Въ отношеніи наилучшаго качества доставляемаго меда особенно цѣнится липа; изъ медоносныхъ „первенцевъ весны“ самое важное значеніе имѣетъ ива, а кромѣ того: *Anemone altaica* Fisch. (подсѣжникъ), *Tussilago farfara* (мать-мачиха), *Pulsatilla patens* v. *Wolfgangiana* Trautv. (прострѣлъ съ лиловыми цвѣтами), *Daphne Mezereum* (волчье лыко), *Corydalis solida* Gaud. (хохлатка). Въ концѣ приложенъ алфавитный указатель русскихъ названій медоносныхъ растеній за соответствующими номерами по порядку списка. Г. Вестбергъ (Рига).

Литвиновъ, Д. И. О реликтовомъ характерѣ флоры каменистыхъ склоновъ въ Европейской Россіи. — Оттискъ изъ „Трудовъ Ботаническаго Музея Императорской Академіи Наукъ“. Вып. 1. С.-Петербургъ. 1902. Стр. 1—34.

Взгляды В. И. Таліева, который, выдвинувъ на первый планъ человекъ въ дѣлѣ распространенія растеній, пришелъ къ полному отрицанію реликтоваго характера большинства рѣдкихъ видовъ русской флоры, заставили вооружиться Д. И. Литвинова и выступить въ защиту собственныхъ мнѣній, положенныхъ, между прочимъ, въ основу двухъ его статей, трактующихъ о слѣдахъ ледниковаго періода въ современномъ распространеніи растеній въ Европейской Россіи. Прежде всего авторъ излагаетъ соображенія, заставляющія его видѣть въ рѣдкихъ растеніяхъ каменистыхъ склоновъ степной области остатки флоры ледниковой и частью предшествовавшей ей эпохи. Вслѣдствіе отсутствія прямыхъ доказательствъ, ввидѣ палеонтологическихъ данныхъ, приходится прибѣгать къ косвеннымъ методамъ. Исходя изъ факта, что наибольшаго разнообразія степная флора достигаетъ не на лессовой черноземной степи собственно, а на безлѣсныхъ каменистыхъ склонахъ, авторъ склоненъ считать послѣдніе какъ бы расадниками, поставляющими матеріалъ для заселенія лесовой степи и песковъ. Сходство флоры такихъ склоновъ съ флорой предгорій Крыма, Кавказа и Туркестана свидѣтельствуетъ, по мнѣнію автора, о древности формации, которая въ сущности есть не что иное, какъ сѣверо-восточный типъ формации открытыхъ каменистыхъ склоновъ Средиземной области, выработавшіяся еще наканунѣ ледниковой эпохи. Признавая существованіе степной флоры на окраинѣ ледника въ Россіи, авторъ считаетъ возможнымъ допустить одновременное существованіе и другихъ формаций, хотя бы торфяниковъ съ *Salix polaris*. Что касается состава флоры ледниковаго періода, то многія растенія уже исчезли, какъ нпр. *Brasenia purpurea* Mchx., другія находятся въ періодѣ исчезновенія, какъ *Aldrovandia vesiculosa* L., *Nelumbium speciosum* W., *Hydrilla verticillata* Casp. и *Trapa natans* L.; нынѣ виды, исчезающія въ Центральной Россіи, сохранились лишь на сѣверѣ, каковы напр. *Dryas octopetala* L., *Salix polaris* Wahlb., *Salix reticulata* L.; нынѣ же по разнымъ при-

чинамъ могли сохраниться лишь въ Приуральи, западномъ краѣ или разбросанно въ разныхъ пунктахъ Европейской Россіи, какъ напр. *Daphne altaica* Pall., *Schwereckia podolica* Andrz., *Rhus cotinus* L. и т. п. Въ пользу связи флоры каменистыхъ склоновъ съ горной флорой говорить, по мнѣнію автора, нахождение въ нѣсколькихъ мѣстахъ средней Россіи *Androsace villosa* L.

Высказавъ свою точку зрѣнія, авторъ переходитъ къ изложенію взглядовъ В. И. Таліева, который пробуетъ доказать, что всѣ, такъ наз. реликтовыя растенія, суть недавніе пришельцы исторической уже эпохи и занесены человѣкомъ. В. И. Таліевъ предполагаетъ, „что подобно тому, какъ существуетъ въ воздухѣ панспермія зародышей микроорганизмовъ, аналогичное явленіе, хотя и въ значительно болѣе слабой степени существуетъ на поверхности земли для сѣмянъ высихшихъ растеній. Сѣмена всевозможныхъ растеній разносятся по всѣмъ направленіямъ, какъ естественными факторами, такъ въ особенности человѣкомъ. Большинство изъ нихъ гибнутъ, другія въ теченіе нѣкотораго времени лежатъ въ покоящемся состояніи, а третьи, найдя подходящія условія, прорастаютъ“. Но, признавая отвѣтное существованіе пансперміи, мы должны признать, по мнѣнію Д. И. Литвинова, что въ силу ея всѣ растенія давно уже достигли возможныхъ предѣловъ распространенія и можно допустить лишь нѣкоторую осцилляцію границы опредѣлившихся уже ареаловъ.

Пансперміей нельзя объяснить существованія рѣдкихъ видовъ и разорванныхъ площадей обитанія. Напримѣръ, изолированное обитаніе *Daphne altaica* въ Курской губерніи „такъ-же невозможно объяснить заносомъ, какъ нельзя объяснить заносомъ съ Кавказа зубровъ въ Бѣловѣжской пушчѣ“. Какъ наилучшій примѣръ ничтожнаго вліянія человѣка на дикорастущую флору, въ смыслѣ обогащенія ея новыми видами, авторъ указываетъ на ботаническіе сады, которые даже при самыхъ выгодныхъ условіяхъ не оказываютъ почти никакого вліянія на составъ мѣстной флоры (нпр. бывшій садъ графа Разумовскаго въ Горенкахъ). Непонятнымъ кажется автору и допущеніе В. И. Таліева, что рѣдкія растенія могли заноситься лишь прежде кочевниками, полчищами казаковъ, торговыми караванами вьючныхъ животныхъ и, при движеніи по рѣкамъ, только на лодкахъ, но не въ нашъ вѣкъ пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, велосипедовъ и автомобилей. Шаткость доводовъ противника, авторъ старается разобрать на примѣрѣ нахождения *Rhus cotinus* L. у Святогорскаго монастыря на Донцѣ въ Харьковской губерніи.

Затѣмъ рядомъ примѣровъ и соображеній авторъ старается доказать, что и другіе приемы доказательствъ противника не выдерживаютъ критики. Приемы эти, по словамъ автора, сводятся къ слѣдующему: „1) доказывается, что нигдѣ нѣтъ склоновъ, не бывшихъ нѣкогда сплошь облѣсенными, почему всѣ растенія открытыхъ каменистыхъ мѣстъ должны считаться занесенными послѣ оголенія данныхъ склоновъ отъ лѣса человѣкомъ; 2) доказывается, что сами каменистые и скалистые склоны не существовали, что всѣ они были недавно задернованы или маскированы осыпями, для того же, чтобы обнажалась такая мало вывѣтрившаяся почва, на которой только и селятся рѣдкія растенія, необходимъ, по словамъ г. Таліева, человѣкъ съ своей культурной обстановкой; что всѣ обнаженія приурочены къ склонамъ часто посѣщаемымъ человѣкомъ и животными, и 3) показывается, что вблизи склоновъ съ интересной флорой всегда имѣются поселенія, дороги, бойкіе проселки, тропинки, по которымъ растенія будто-бы и были занесены человѣкомъ“. Возражая на такъ формулированные взгляды противника, авторъ указываетъ еще на преимущество своей гипотезы въ томъ отношеніи, что на основаніи ея можно предсказывать факты. Къ такого рода сбывшимся предсказаніямъ, авторъ относитъ интересную находку *Campanula Steveni* M. B. въ средней Россіи или *Dentaria quinquefolia* M. B.

Въ пользу его гипотезы, говорить также, по мнѣнію автора, эндемизмъ многихъ видовъ. Правда, въ послѣднее время развѣнчаны нѣко-

торые эндемическіе виды; но все-таки мы имѣемъ рядъ достаточно обособленныхъ формъ для каменистыхъ склоновъ южной Россіи, каковы: *Lepidium Meyeri* Cl., *Erysimum cretaceum* Rupr., *Matthiola fragrans* Bnge., *Silene cretacea* Fisch., *Potentilla tanaitica* Zing., *Hedysarum cretaceum* Fisch., *Anthemis Trotskiana* Cl., *Artemisia hololeuca* M. B., *Linaria cretacea* Fisch., *Cymbaria borysthonica* Pall. Авторъ подчеркиваетъ фактъ, что всѣ эндемическія формы мы находимъ почти исключительно среди растений, характерныхъ для каменистыхъ склоновъ, что указываетъ на древность формациі.

Заканчивая свой очеркъ, Д. И. Литвиновъ говоритъ, „что весь походъ опонента противъ реликтовыхъ видовъ можно уподобить тому, какъ если бы какой „археологъ“ не признавалъ существованія древнихъ вещей и во всякой такой вещи видѣлъ бы новѣйшую работу, стараясь доказать это тѣмъ соображеніемъ, что подобныя же вещи можно сдѣлать, и, дѣйствительно, дѣлаютъ и теперь. Подобно этому и г. Талиевъ выражается, что „пока не извѣданы ближайшія причины даннаго явленія, не слѣдуетъ вводить причинъ отдаленныхъ“, т. е., что если извѣстны случаи заноса издалека растений человѣкомъ въ настоящее время, то и всѣ т. н. реликтовые виды должны быть признаны за недавно занесенные. Однако существуютъ же древнія вещи, существуютъ и реликтовые растенія и если попробовать поискать ихъ въ нашей флорѣ, то и придется указать именно на тѣ виды, которые мы признаемъ за реликты“. Б. Гриневецкій (Юрьевъ).

Талиевъ, В. Еще о флорѣ каменистыхъ склоновъ. — Извѣстія Императорскаго С.-Петербургскаго Ботаническаго Сада. Т. II. Вып. 7. С.-Петербургъ. 1902. Стр. 203—217.

Въ отвѣтъ на критику Д. И. Литвинова В. И. Талиевъ заявляетъ, что и онъ когда-то находился всецѣло подъ вліяніемъ идей о реликтовой флорѣ, но объективное наблюденіе фактовъ привело его къ противоположнымъ взглядамъ, которые впервые легли въ основу работы п. а. „Мѣловые боры Волжскаго и Донецкаго бассейновъ“. Важнѣйшіе факты, которые заставили автора сблизить т. н. „реликтовую“ растительность съ сорной таквы: 1) Всѣ болѣе характерныя формы „каменистой формациі“ около Святогорскаго монастыря встрѣчаются исключительно на подпочвенныхъ обнаженіяхъ. Присутствіе почвеннаго слоя и задержаніе исключаютъ ихъ существованіе. Отсюда очевидно, что вопросъ о прошломъ этой растительности неразрывно связывается съ вопросомъ о происхожденіи обнаженій и причинахъ отсутствія на нихъ почвеннаго слоя. 2) Оказывается, что обнаженія подпочвъ по своему распредѣленію не стоятъ ни въ какомъ постоянномъ отношеніи къ физическимъ условіямъ: въ различныхъ степеняхъ развитія они встрѣчаются на всевозможныхъ склонахъ, съ самымъ разнообразнымъ направленіемъ и угломъ паденія. 3) Съ другой стороны, въ той же самой мѣстности почти рядомъ можно наблюдать мѣловые же склоны съ совершенно сходнымъ положеніемъ и угломъ паденія, но задернованные или покрытые сплошнымъ лѣсомъ съ типической лѣсной растительностью. 4) Не представляя какой-либо постоянной зависимости отъ физическихъ условій, обнаженія всегда, безъ исключенія, приурочены къ такимъ пунктамъ, гдѣ дана возможность для механическаго сдранія почвы людьми или домашнимъ скотомъ. 5) Наоборотъ, чѣмъ мѣстность болѣе изолирована отъ дѣятельности человѣка, тѣмъ лѣсной покровъ дѣлается болѣе сплошнымъ, а тѣневая растительность — болѣе чистой и характерной. Въ соснякахъ при этомъ условіи появляется моховой слой, *Pirola secunda* и совершенно исчезаютъ элементы обнаженій. 6) Наконецъ, не только самыя обнаженія связаны въ своемъ присутствіи съ пунктами дѣятельности человѣка, но оказывается, что и богатство растительности ихъ весьма отчетливо опредѣляется тѣмъ же моментомъ: концентрируясь въ районѣ ближайшемъ къ монастырю, она значительно бѣднѣетъ съ удаленіемъ отъ него“. Подвергая затѣмъ критикѣ взгляды